Ганс Христиан Андерсен

Бузинная матушка

Один маленький мальчик раз простудился. Где он промочил ноги, никто не мог взять в толк — погода стояла совсем сухая. Мать раздела его, уложила в постель и велела принести чайник, чтобы заварить бузинного чаю — отличное потогонное! В эту минуту в комнату вошел славный, веселый старичок, живший в верхнем этаже того же дома. Был он совсем одинок, не было у него ни жены, ни детей, а он так любил ребятишек, умел рассказывать им такие чудесные сказки и истории, что просто чудо.

— Ну вот, попьешь чайку, а там, поди, и сказку услышишь! — сказала мать.

— Эх, кабы знать какую-нибудь новенькую! — отвечал старичок, ласково кивая головой. — Только где же это наш мальчуган промочил себе ноги?

— То-то и оно — где? — сказала мать. — Никто в толк не возьмет.

— А сказка будет? — спросил мальчик.

— Сначала мне нужно знать, глубока ли водосточная канава в переулке, где ваше училище. Можешь ты мне это сказать?

— Как раз до середины голенища! — отвечал мальчик. — Да и то в самом глубоком месте.

— Так вот где мы промочили ноги! — сказал старичок. — Теперь и надо бы рассказать тебе сказку, да ни одной новой не знаю!

— Да вы можете сочинить ее прямо сейчас! — сказал мальчик. — Мама говорит, вы на что ни взглянете, до чего ни дотронетесь, из всего у вас выходит сказка или история.

— Верно, только такие сказки и истории никуда не годятся. Настоящие, те приходят сами. Придут и постучатся мне в лоб: “А вот и я!”

— А скоро какая-нибудь постучится? — спросил мальчик.

Мать засмеялась, засыпала в чайник бузинного чая и заварила.

— Ну расскажите! Расскажите!

— Да вот кабы пришла сама! Но они важные, приходят только, когда им самим вздумается!.. Стой! — сказал вдруг старичок. — Вот она! Посмотри, в чайнике!

Мальчик посмотрел. Крышка чайника начала приподыматься все выше, все выше, вот из-под нее выглянули свежие беленькие цветочки бузины, а потом выросли и длинные зеленые ветви. Они раскидывались на все стороны даже из носика чайника, и скоро перед мальчиком был целый куст; ветви тянулись к самой постели, раздвигали занавески. Как чудесно цвела и благоухала бузина! А из зелени ее выглядывало ласковое лицо старушки, одетой в какое-то удивительное платье, зеленое, словно листья бузины, и все усеянное белыми цветочками. Сразу даже не разобрать было, платье это или просто зелень и живые цветки бузины.

— Что это за старушка? — спросил мальчик.

— Древние римляне и греки звали ее Дриадой! — сказал старичок. — Ну, а для нас это слишком мудреное имя, и в Новой слободке ей дали прозвище получше: Бузинная матушка. Смотри же на нее хорошенько да слушай, что я буду рассказывать...

...Точно такой же большой, обсыпанный цветами куст рос в углу дворика в Новой слободке. Под кустом сидели в послеобеденный час и грелись на солнышке двое старичков — старый-старый бывший матрос и его старая-старая жена. У них были и внуки, и правнуки, и они скоро должны были отпраздновать свою золотую свадьбу, да только не помнили хорошенько дня и числа. Из зелени глядела на них Бузинная матушка, такая же славная и приветливая, как вот эта, и говорила: “Уж я-то знаю день вашей золотой свадьбы!” Но старички были заняты разговором — вспоминали о былом — и не слышали ее.

— А помнишь, — сказал бывший матрос, — как мы бегали и играли с тобой детьми! Вот тут, на

этом самом дворе, мы сажали садик. Помнишь, втыкали в землю прутики и веточки?
— Как же! — подхватила старушка. — Помню, помню! Мы не ленились поливать эти веточки, одна из них была бузинная, пустила корни, ростки и вот как разрослась! Мы, старички, теперь можем сидеть в ее тени!
— Верно! — продолжал муж. — А вон в том углу стоял чан с водой. Там мы спускали в воду мой кораблик, который я сам вырезал из дерева. Как он плавал! А скоро мне пришлось пуститься и в настоящее плавание!..
— Да, только до того мы еще ходили в школу и кое-чему научились! — перебила старушка. — А потом выросли и, помнишь, однажды пошли осматривать Круглую башню, забрались на самый верх и любовались оттуда городом и морем? А потом отправились во Фредериксберг и смотрели, как катаются по каналам в великолепной лодке король с королевой.
— Только мне-то пришлось плавать по-другому, долгие годы вдали от родины!
— Сколько слез я пролила по тебе! Мне уж думалось, ты погиб и лежишь на дне морском! Сколько раз вставала я по ночам посмотреть, вертится ли флюгер. Флюгер-то вертелся, а ты все не являлся! Как сейчас помню, однажды, в самый ливень, к нам во двор приехал мусорщик. Я жила там в прислугах и вышла с мусорным ящиком да и остановилась в дверях. Погода-то была ужасная! И тут приходит почтальон и подает мне письмо от тебя. Пришлось же этому письму погулять по свету! Я схватила его и сразу же читать! Я и смеялась, и плакала зараз... Я была так рада! В письме говорилось, что ты теперь в теплых краях, где растет кофе! То-то, должно быть, благословенная страна! Ты много еще о чем рассказывал, и я видела все это как наяву. Дождь так и поливал, а я все стояла в дверях с мусорным ящиком. Вдруг кто-то обнял меня за талию...
— Верно, и ты закатила такую оплеуху, что только звон пошел!
— Откуда мне было знать, что это ты! Ты догнал свое письмо. А красивый ты был... Ты и теперь такой. Из кармана у тебя выглядывал желтый шелковый платок, на голове клеенчатая шляпа. Такой щеголь!.. Но что за погода стояла, на что была похожа наша улица!
— И вот мы поженились, — продолжал бывший матрос. — Помнишь? А там пошли у нас детки: первый мальчуган, потом Мари, потом Нильс, потом Петер, потом Ганс Христиан!
— Да, и все они выросли и стали славными людьми, все их любят.
— А теперь уж и у их детей есть дети! — сказал старичок. — Это наши правнуки, и какие же они крепыши! Сдается мне, наша свадьба была как раз в эту пору.
— Как раз сегодня! — сказала Бузинная матушка и просунула голову между старичками, но те подумали, что это кивает им головой соседка.
Они сидели рука в руке и любовно смотрели друг на друга. Немного погодя пришли к ним дети и внучата. Они-то отлично знали, что сегодня день золотой свадьбы стариков, и уже поздравляли их утром, да только старички успели позабыть об этом, хотя хорошо помнили все, что случилось много, много лет назад. Бузина так и благоухала, солнышко, садясь, светило на прощание старичкам прямо в лицо, разрумянивая их щеки. Младший из внуков плясал вокруг дедушки с бабушкой и радостно кричал, что сегодня вечером у них будет настоящий пир: за ужином подадут горячий картофель! Бузинная матушка кивала головой и кричала “ура!” вместе со всеми.
— Да ведь это вовсе не сказка! — возразил мальчуган, внимательно слушавший старичка.
— Это ты так говоришь, — отвечал старичок, — а вот спроси-ка Бузинную матушку!
— Это не сказка! — отвечала Бузинная матушка. — Но сейчас начнется и сказка. Из действительности-то и вырастают самые чудесные сказки. Иначе мой прекрасный куст не вырос бы из чайника.
С этими словами она взяла мальчика на руки, ветви бузины, осыпанные цветами, вдруг сдвинулись вокруг них, и мальчик со старушкой оказались словно в укрытой листвою беседке, которая

поплыла с ними по воздуху. Это было чудо как хорошо! Бузинная матушка превратилась в маленькую прелестную девочку, но платьице на ней осталось все то же — зеленое, усеянное беленькими цветочками. На груди у девочки красовался живой бузинный цветок, на светло-русых кудрях — целый венок из таких же цветов. Глаза у нее были большие, голубые. Ах, какая была она хорошенькая, просто загляденье! Мальчик и девочка поцеловались, и оба стали одного возраста, одних мыслей и чувств.

Рука об руку вышли они из беседки и очутились в цветочном саду перед домом. На зеленой лужайке стояла привязанная к колышку трость отца. Для детей и трость была живая. Стоило сесть на нее верхом, и блестящий набалдашник стал великолепной лошадиной головой с длинной развевающейся гривой. Затем выросли четыре стройные крепкие ноги, и горячий конь помчал детей кругом по лужайке.

— Теперь мы поскачем далеко-далеко! — сказал мальчик. — В барскую усадьбу, где мы были в прошлом году!

Дети скакали кругом по лужайке, и девочка — мы ведь знаем, что это была Бузинная матушка, — приговаривала:

— Ну, вот мы и за городом! Видишь крестьянский дом? Огромная хлебная печь, словно гигантское яйцо, выпячивается из стены прямо на дорогу. Над домом раскинул свои ветви бузинный куст. Вон бродит по двору петух, роется в земле, выискивает корм для кур. Гляди, как важно он выступает! А вот мы и на высоком холме у церкви, она стоит среди высоких дубов, один из них наполовину засох... А вот мы у кузницы! Гляди, как ярко пылает огонь, как работают молотами полуобнаженные люди! Искры так и разлетаются во все стороны! Но нам надо дальше, дальше, в барскую усадьбу!

И все, что ни называла девочка, сидевшая верхом на трости позади мальчика, проносилось мимо. Мальчик видел все это, а между тем они только кружились по лужайке. Потом они играли на боковой тропинке, разбивали себе маленький садик. Девочка вынула из своего венка бузинный цветок и посадила в землю. Он пустил корни и ростки и скоро вырос в большой куст бузины, точь-в-точь как у старичков в Новой слободке, когда они были еще детьми. Мальчик с девочкой взялись за руки и тоже пошли гулять, но отправились не к Круглой башне и не во Фредериксбергский сад. Нет, девочка крепко обняла мальчика, поднялась с ним на воздух, и они полетели над Данией. Весна. сменялась летом, лето — осенью, осень — зимою. Тысячи картин отражались в глазах мальчика и запечатлевались в его сердце, а девочка все приговаривала:

— Этого ты не забудешь никогда!

А бузина благоухала так сладко, так чудно! Мальчик вдыхал и аромат роз, и запах свежих буков, но бузина пахла всего сильнее: ведь ее цветки красовались у девочки на груди, а к ней он так часто склонял голову.

— Как чудесно здесь весною! — сказала девочка, и они очутились в молодом буковом лесу. У ног их цвел душистый ясменник, из травы выглядывали чудесные бледно-розовые анемоны. — О, если б вечно царила весна в благоуханном датском буковом лесу!

— Как хорошо здесь летом! — сказала она, когда они проносились мимо старой барской усадьбы с древним рыцарским замком. Красные стены и зубчатые фронтоны отражались во рвах с водой, где плавали лебеди, заглядывая в старинные прохладные аллеи. Волновались, точно море, нивы, канавы пестрели красными и желтыми полевыми цветами, по изгородям вился дикий хмель и цветущий вьюнок. А вечером взошла большая и круглая луна, с лугов пахнуло сладким ароматом свежего сена. — Это не забудется никогда!

— Как чудно здесь осенью! — сказала девочка, и свод небесный вдруг стал вдвое выше и синее. Лес окрасился в чудеснейшие цвета — красный, желтый, зеленый.

Вырвались на волю охотничьи собаки. Целые стаи дичи с криком летали над курганами, где лежат старые камни, обросшие кустами ежевики. На темно-синем море забелели паруса. Старухи, девушки и дети обирали хмель и бросали его в большие чаны. Молодежь распевала старинные песни, а старухи рассказывали сказки про троллей и домовых.

— Лучше не может быть нигде! А как хорошо здесь зимою! — сказала девочка, и все деревья оделись инеем, ветки их превратились в белые кораллы. Захрустел под ногами снег, словно все надели новые сапоги, а с неба одна за другой посыпались падучие звезды.

В домах зажглись елки, увешанные подарками, люди радовались и веселились. В деревне, в крестьянских домах, не умолкали скрипки, летели в воздух яблочные пышки. Даже самые бедные дети говорили:

“Как все-таки чудесно зимою!”

Да, это было чудесно! Девочка показывала все мальчику, и повсюду благоухала бузина, повсюду развевался красный флаг с белым крестом, флаг, под которым плавал бывший матрос из Новой слободки. И вот мальчик стал юношей, и ему тоже пришлось отправиться в дальнее плавание в теплые края, где растет кофе. На прощание девочка дала ему цветок со своей груди, и он спрятал его в книгу. Часто вспоминал он на чужбине свою родину и раскрывал книгу — всегда на том месте, где лежал цветок! И чем больше юноша смотрел на цветок, тем свежее тот становился, тем сильнее благоухал, а юноше казалось, что он слышит аромат датских лесов. В лепестках же цветка ему виделось личико голубоглазой девочки, он словно слышал ее шепот: “Как хорошо тут и весной, и летом, и осенью, и зимой!” И сотни картин проносились в его памяти.

Так прошло много лет. Он состарился и сидел со своею старушкой женой под цветущим деревом. Они держались за руки и говорили о былом, о своей золотой свадьбе, точь-в-точь как их прадед и прабабушка из Новой слободки. Голубоглазая девочка с бузинными цветками в волосах и на груди сидела в ветвях дерева, кивала им головой и говорила: “Сегодня ваша золотая свадьба!” Потом она вынула из своего венка два цветка, поцеловала их, и они заблестели, сначала как серебро, а потом как золото. А когда девочка возложила их на головы старичков, цветы превратились в золотые короны, и муж с женой сидели точно король с королевой, под благоухающим деревом, так похожим на куст бузины. И старик рассказывал жене историю о Бузинной матушке, как сам слышал ее в детстве, и обоим казалось, что в той истории очень много похожего на историю их жизни. И как раз то, что было похоже, им и нравилось больше всего.

— Вот так! — сказала девочка, сидевшая в листве. — Кто зовет меня Бузинной матушкой, кто Дриадой, а настоящее-то мое имя Воспоминание. Я сижу на дереве, которое все растет и растет. Я все помню, обо всем могу рассказать! Покажи-ка, цел ли еще у тебя мой цветок?

И старик раскрыл книгу: бузинный цветок лежал такой свежий, точно его сейчас только вложили между листами. Воспоминание ласково кивало старичкам, а те сидели в золотых коронах, озаренные пурпурным закатным солнцем. Глаза их закрылись, и... и... Да тут и сказке конец!

Мальчик лежал в постели и сам не знал, видел ли он все это во сне или только слышал. Чайник стоял на столе, но бузина из него не росла, а старичок собрался уходить и ушел.

— Как чудесно! — сказал мальчик. — Мама, я побывал в теплых краях!

— Верно! Верно! — сказала мать. — После двух таких чашек бузинного чая немудрено побывать в теплых краях. — И она хорошенько укутала его, чтобы он не простыл. — Ты таки славно поспал, пока мы спорили, сказка это или быль!

— А где же Бузинная матушка? — спросил мальчик.

— В чайнике! — ответила мать. — Там ей и быть.